

Бак Д.П., А.Н. Архангельский

Сюжетное построение. Особенности композиции

Первый том эпопеи посвящен событиям, которые происходят в течение 1805 и в начале 1806 года; второй охватывает 1806–1811. А третий и четвертый (за исключением эпилога) сосредоточены исключительно на 1812; такая хронологическая «диспропорция» не случайна.

В первом томе, мы имеем дело исключительно с предысторией главных героев; он представляет собой сплошную экспозицию. По существу, завязка происходит только на последних его страницах, в сцене ранения князя Андрея на Аустерлицком поле. Именно здесь впервые сталкиваются ложные представления о природе исторического процесса, об эгоистической цели жизни и вечная правда любви и сострадания. Этот конфликт между личным и общим, между ложью и правдой станет главным сюжетным «мотором», основной коллизией «Войны и мира».

Во втором томе завязываются основные сюжетные линии (Андрей — Наташа, Наташа — Пьер); герои проходят испытание любовью, страстью, надеждой и разочарованием; они до поры до времени предоставлены сами себе, могут заняться своими личными судьбами, потому что впереди у них общенародное испытание, перед лицом которого померкнут их частные беды и радости.

Если первый том завершился сценой, в центре которой был князь Андрей Болконский, восхищенно глядевший в бессмертное небо Аустерлица, то финал второго «отдан» Пьеру Безухову, который, невольно объяснившись с Наташей, всматривается в ночное московское небо. Так Толстой четко обозначает принцип композиционного параллелизма, который будет главенствовать в третьем и четвертом томах. Ведь в них прослеживается путь главных героев к истине и происходит череда кульминаций, мнимых и настоящих.

Так, ранение Андрея на поле Боролина является сюжетную параллель его же ранению на поле Аустерлица, а слух о смерти Болконского превращает эту сцену в ложную кульминацию его сюжетной линии. Истинной же кульминацией становится внезапная встреча Андрея с Наташей во время отъезда из Москвы. Или возьмем другой пример. Встреча Пьера с Платоном Каратаевым должна автоматически вызывать в памяти у читателя встречу Пьера с масоном Иосифом Алексеевичем; возникает параллель между истинным учителем жизни и ложным, смысл повествования углубляется.

Точно так же: сцена в кабинете, где Пьер, Николай Ростов, Денисов спорят о настоящем и будущем России (Эпилог, часть первая, глава XIV), выстроена в параллель с советом в Филях (том III, часть третья, глава IV). В обоих случаях мы смотрим на происходящее глазами рассказчика и глазами ребенка.

На печи в доме мужика Андрея Савостьянова затаилась его шестилетняя внучка Малаша; разумеется, она ничего не смыслит в происходящем, но ее незамутненное сердце на стороне правды, а значит, на стороне «дедушки», Кутузова. «Ей казалось, что дело было только в личной борьбе между “дедушкой” и “длиннополым”, как она называла Бенигсена. Она видела, как они злились, когда говорили друг с другом, и в душе своей она держала сторону дедушки». А в ростовском кабинете притаился Николенька Болконский: «поворачивая кудрявую голову на тонкой шее, выходящей из отложных воротничков, в ту сторону, где был Пьер, он изредка вздрагивал и что-то шептал сам с собою, видимо, испытывая какое-то новое и сильное чувство... Всякое слово Пьера жгло его сердце, и он нервным движением пальцев ломал — сам не замечая этого — попадавшиеся ему в руки сургучи и перья на столе дяди».

И в том, и в другом случае точка зрения ребенка, как нравственный компас, указывает, на чьей стороне симпатии автора во время спора...

Черета кульминаций завершается общей развязкой — смертью Андрея, женитьбой Пьера на Наташе и Николая Ростова на княжне Марье; правда, в Эпilogе намечается новый поворот событий, предполагается активное участие Пьера в тайных обществах, а Николая, видимо, в подавлении восстания декабристов. Но такой поворот — всего лишь читательская гипотеза; основной сюжет эпопеи исчерпан.